

Сегодня день рождения Высоцкого. Но он умер,

Сегодня. — 1994. — 25 сент. — с. 15

и 150 млн персонажей тоскуют по своему автору

Андрей Лекант

о мере роста календарного срока со дня этой смерти рассуждать о Высоцком все проще. Можно отойти от неписаного канона первых лет: пара новых фактов биографии — поклон гражданскому мужеству — обещания взяться за серьезные исследования творческого наследия: скажем, сопоставить его с пушкинским.

И можно допустить несколько вольных толкований, позволенных в отношении давно умерших поэтов. Например, версию, что Высоцкий был «красный». По крайней мере, его трудно признать классическим антисоветчиком или диссидентом. И отец, написавший в предисловии к двухтомнику сына, что тому «довольно часто приходилось беседовать с представителями буржуазной прессы, которые искали, как он говорил, в его словах небольшой, но намек на «притеснения» в СССР. И хотя повод ему и давали иные «официальные лица»... он всегда был выше этих интриг. О своей Родине говорил только хорошие слова», вряд ли кривит душой. В. В. действительно не отзывался дурно ни об СССР, ни о коммунистическом режиме. Для него органичны были понятия «мы» и «наши». А его Жеглов в ленте Говорухина убедительно (особенно в сравнении с либерал-комсомольцем Конкиным) доказывает не только допустимость, но и желательность коммунистического беззакония крепкой власти, если оно на пользу обывателям. Государство в его лице — суровый мужчина, отец в капитанском мундире вместо пижамы, кото-

рый с молчаливого одобрения тех властей решать, что хорошо и что нет для их блага и ради высоких целей правопорядка. (Впрочем, и сегодня, сыграй Высоцкий заглавную роль в фильме «Ельцин в Октябре», у Б. Н. побавилось бы политических противников.)

Подобные толкования в наши дни уже абсолютно безвредны для покойного и остаются гимнастикой досужего ума. К счастью.

С тех времен, когда подневольная Киргизия малевала на крышах домов «Ленин кыш, Ленин мышь, Ленин тохтамыш» (я ничего не перепутал?), общество, резко поглупело, разбилось на подвиды: на «демократов», «патриотов» и проч. Так вот, очень даже неясно, кто сегодня успел бы ради текущих нужд обуздать живого Высоцкого наспех затверженными лозунгами, в то время как остальные подвиды, исходя из собственных помыслов и предпочтений, принялись бы за это мешать его с грязью. Точно так же неизвестно, удивился бы или нет «Вася Шукшин», который, как часто говорил о нем В. В., «больше не живет», присутствию на чтениях его памяти в алтайских Сростках «Памяти» в бородах, сапогах и майках с надписью «Куришь, пьешь вино и пиво — ты пособник Тель-Авива» и с транспарантами «Коммунизма не было, был иудифашизм».

Смерть бережет их обоих от нашей дури.

Что до сравнений, сопоставлять Высоцкого следует все-таки не с Пушкиным, а с социальной публицистикой, которая в неприкрытом виде была невозможна тогда и которой поражено общество сегодня. Разница принципиальна. Высоцкий (т. е. публицистика тех лет) не выносил обвинительных приговоров ни ком-

мунистам, ни «империи зла» лишь потому, что подобные общие категории его попросту не интересовали. Он искал подробностей, частных. Именно поэтому его «История болезни», например, вызывает в нас куда более решительный протест против «психотерапевтических» методов борьбы с инакомыслием, чем разрешенные публицистические очерки позднейших лет на ту же тему. А после «Был побег на рынок» можно прекратить писать об ИТУ и закрывать тюрьмы, но... «Траву кушали, век на шавеле — скисли душами, опрыщавели».

Закончить песенку словами «И вся история страны — история болезни» — сильный прием, после которого смешно открывать полемику зачинами типа: «За 75 лет бесчеловечного режима...».

Осмысленная (о-смысленная) отдельные судьбы, Высоцкий ненавязчиво подталкивает к обобщениям, которые вне песен превращаются в тоскливые клише. Его мир красочен, в нем много оттенков и пространства для приглашенных. Житель тоталитарного строя, по определению призванного равнять и обезличивать, В. В. персонально и очень заинтересованно обращается к персонам, населяющим его страну.

Сегодня, когда крепостным дали волку (несчастье, по Фирсу), эти персоны осиротели и никому не интересны. Подробности не нужны. Вполне достаточно общих категорий: «голодные», «жулики», «красно-коричневые», «тинейджер» etc. Персонажей нет ни в публицистике, ни на эстраде. разве что малопримечательный Гриша, который должен починить Алене Апиной крышу, да Леха, без которого ей же плохо.

Место Высоцкого вакантно почти 14 лет.

